

Татьяна Ананьева

**Между «сказанием» и «episodes en swift»:
о неизвестной рукописи Ильи Тимковского
«Записки для истории Малороссии» (1849 г.)**

Віднайдений в архіві рукопис «Записок для истории Малороссии» — це розпочатий 1849 р. і полишений незавершеним твір Іллі Федоровича Тимковського (1773–1853). «Записки», як і велика (коли не більша) частина рукописної спадщини Тимковського, досі були обійдені увагою дослідників попри те, що серед авторів, котрі писали про Тимковського, бачимо таких помітних діячів «на поле общественно-научном», як його племінник Михайло Максимович, Микола Шугуров, Володимир Науменко. На противагу масштабній громадській діяльності Тимковського, яка виходила за рамки професійного поля (юрист, педагог, літератор etc.), його історіографічну спадщину досі вивчено фрагментарно і редуковано. Зокрема, не досліджено ролі Тимковського у представленні історико-культурного простору України, історичної свідомості та знання, у створенні умов для розвитку українського історіописання. Проте, збережений корпус джерел з архіву Тимковського разом з його еґо-документами, що їх було опубліковано в ХІХ столітті, дозволяють заповнити цю лакуну. Такій меті присвячено й дану статтю. Її перша частина покликає окреслити біографічний контекст автора «Записок», зокрема, зацентувати увагу на значенні для нього історії та пам'яті, а також простежити генезу ідеї написання історичного твору та «зовнішні» обставини, які призвели до того, що роботу над «Записками» було перервано. У другій частині (в наступному випуску «Київської Академії») планується опублікувати текст «Записок» з аналізом джерелознавчого та соціо-культурного контекстів їх створення, а також історичних поглядів автора та співвідношення його інструментарію в історіописанні та мемуаристиці.

Ключові слова: Ілля Тимковський, «Записки для истории Малороссии», історіописання, мемуари, Михайло Максимович.

Илья Федорович Тимковский (15.07.1773–15.02.1853)

Источник: *Киевская старина* 12 (1899).

Традиционно такие архивные находки называют случайными. Действительно, рукопись Ильи Федоровича Тимковского «Записки для истории Малороссии» не была целью поиска. Личность Тимковского заинтересовала меня в контексте обширных церковно-административных, ученых, дружеских связей киевского митрополита Евгения (Болховитинова). Пока не найдены документированные упоминания о личном знакомстве митрополита с Тимковским, но нет сомнений, что по крайней мере заочно Евгений знал о Тимковском-визитаторе Харьковского учебного округа, куда входил родной город митрополита Воронеж.

Одним из «связующих звеньев» этого заочного знакомства был учитель Главного народного училища в Воронеже Г. П. Успенский, участник так называемого «Болховитиновского кружка» конца 1790-х гг. После отказа Н. М. Карамзина от кафедры истории в Харьковском университете (1807 г.) Успенский был приглашён на эту кафедру. Именно Тимковский заметил способного учителя воронежского училища и помог его переводу в Харьков¹. В 1816 и 1818 гг. в Харькове вышли два издания книги Успенского «Опыт повествования о древностях русских», причем идея написать это сочинение была подсказана автору Тимковским². Проявившийся в этом эпизоде интерес Тимковского к древностям и истории привлек внимание к его деятельности. Однако оказалось, что историография умалчивает об исторических увлечениях харьковского визитатора. Помочь могли архивные документы, в первую очередь — из собрания М. А. Максимовича, Н. В. Шугурова и В. П. Науменко, в которых отложились части рукописного наследия Ильи Тимковского³. Хотя начальная цель поисков, связанная с митрополитом Евгением, пока не достигнута, эту (надеюсь, временную) неудачу уже компенсировали «случайно» обнаруженные документы, в том числе — рукопись Тимковского «Записки для истории Малороссии»⁴.

Листы грубой серой бумаги сложены тетрадью в шесть листов. Каждая страница разделена вертикальной линией на две колонки: левая — широкая для текста, правая — узкая для исправлений

¹ Николай Шугуров, «Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени», *Киевская старина* (далее — КС) 9 (1891): 402; Письмо Г. Успенского И. Тимковскому от 28 октября 1807 г., Институт Рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (далее — ІР НБУВ), ф. III, спр. 4916; Александр Акиншин, «Е. А. Болховитинов — основоположник воронежского краеведения», в Евгений (Болховитинов), *Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии* (Воронеж: Воронежская обл. типография — Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2011), 188.

² Исторические интересы Г. Успенского пробуждались в годы воронежского общения с увлеченным историей Евгением (в то время, до пострига — Евфимием Болховитиновым). Памятуя об этом, Г. Успенский прислал свою книгу в дар Евгению (см.: Євгенія Рукавіцина-Гордієвська, *Київський митрополит Євгеній (Є. О. Болховітинов): Біобібліографія*. Бібліотека. Архів (Київ: Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, 2010), 278.

³ Об этом подробнее см. ниже.

⁴ ІР НБУВ, ф. II, спр. 3693.

и дополнений. Их невероятное количество. Авторские вставки, дописанные на полях фразы, правка отдельных букв, слов, предложений указывают на то, что это черновой, рабочий вариант текста. На первом листе название: «Записки для истории Малороссии. С 1849, янв. 12». Затрудняюсь предположить, какие иные причины отводили взгляды исследователей от рукописи с таким притягательным названием, кроме необходимости заниматься буквально расшифровкой текста, пробираясь через бесконечные исправления и «неприступный для чтения почерк»⁵, как будто покрывающий бумагу замысловатым орнаментом.

Не только сама эта рукопись осталась вне поля зрения исследователей, но и ее автор как один из ярких, деятельных представителей той украинской интеллектуальной элиты конца XVIII — первой половины XIX в., которая формировала культурное пространство, историческое сознание и знание, выступая «як своєрідний інтелектуальний транслятор різноманітних соціокультурних імпульсів, які породжують різні варіації й альтернативи у творенні національного гранд-нарративу»⁶. Между тем об этой деятельности было известно не только современникам, но и, например, читателям «Киевской старины».

«Чи не чував ти про Іллю Тимковського, що був директором у Новгородку? Кажуть, він колись думав писати історію Малоросії [курсив мой. — Т.А.] і, будучи ревізором архівів, повитягав звітти цілком, що тільки похотів, та й держав у себе, мов та собака на сні. Тепер чи не вмер лиш старий кулак, а Турановка його звітти недалеко, — то [чи] не одкопаємо ми нового колодязя до історії рідного краю?», — писал Пантелеймон Кулиш Осипу Бодянскому 11 августа 1848 г. в письме, впервые опубликованном еще в 1898 г.⁷

Значение слухов как коммуникативного феномена хорошо известно. Однако, мы имеем дело с нестандартным случаем. В мо-

⁵ Эта фраза, заимствованная из характеристики другого исторического лица (Станислав Рассадин, *Гений и злодейство, или дело Сухова-Кобылина* (Москва: Книга, 1989), 26), точно характеризует почерк И. Тимковского.

⁶ Олексій Ясь, «Романтизм і український гранд-нарратив», *Ейдос* 3 (2008): 226.

⁷ Первая публикация: «Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому (1846–1877 гг.)», *КС* 2 (1898): 293; републикация: «Письмо П. Кулиша О. Бодянскому от 11 августа 1848 г. из Тулы», в Пантелеймон Кулиш, *Повне зібрання творів. Листи* (Київ: Критика, 2005), I: 231.

мент, когда прозвучало «кажуть» Кулиша, «старий кулак» был жив, но к написанию исторического труда он приступил лишь спустя пять месяцев («1849, янв.12»). Вместе с тем, пересказанный Кулишем слух явно не принадлежал к тем, которыми «земля полнится»; в данном случае, похоже, все ограничилось эпистолярным сообщением, и на Бодянском трансляция слуха оборвалась. Хорошо знакомый обоим корреспондентам Николай Добролюбов утверждал, что «говорят о предмете до тех пор, пока полагают, что не все еще знают о нем... Как скоро известие облетит всех, его тотчас оставляют и забывают»⁸. По этой логике, об историческом труде Тимковского не стали говорить и писать, поскольку о нем было широко известно. Но в таком случае информация об исторических замыслах должна была проникнуть в те статьи 1870-х — 1890-х гг., которые были посвящены Илье Тимковскому или говорили о нем в связи с историей просвещения и культуры Украины⁹. «Колодязь до історії» — архив Тимковских — постепенно открывался исследователям. Однако даже после публикации Андреем Титовым¹⁰ в 1898 г. в «Киевской старине» упомянутого письма Кулиша Бодянскому слух об «історії Малоросії» Тимковского так и не стал поводом для историографического отклика¹¹.

Этой публикацией, вводя в научный оборот «Записки для истории Малороссии», надеюсь привлечь внимание исследователей истории исторической культуры к личности и деятельности одного

⁸ Николай Добролюбов, «Слухи». *Газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая*, посещение 15 августа 2018, http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0880.shtml.

⁹ Михаил Максимович, «Воспоминание о Тимковских,» *КС* 11 (1898): 254–272; Николай Шугуров, «Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени,» *КС* 8 (1891): 212–236, 9 (1891): 375–406, 10 (1891): 82–97; Владимир Науменко, «Памяти И. Ф. Тимковского, М. А. Максимовича и П. А. Антоновича,» *КС* 10 (1891): 133–136. Подробнее о них см. ниже.

¹⁰ Андрей Александрович Титов (1844–1911), ростовский купец, меценат, археограф, основатель огромного документального собрания, был членом Московского общества истории и древностей, активно сотрудничал с историческими журналами, в том числе с «Киевской стариной». Титов приобрел собрание рукописей и личные бумаги О. Бодянского у его вдовы (См.: *О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения. (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. статей* (Москва: Институт славяноведения РАН, 2009).

¹¹ См. дальше краткий историографический обзор.

из остававшихся в тени протагонистов развития историко-интеллектуального пространства Украины конца XVIII — первой половины XIX в. Не стремясь к детальному изложению биографии Ильи Тимковского, напомним ее основные вехи, останавливаясь подробнее на некоторых событиях, повлиявших на формирование его исторического интереса и сознания, а также на тех эпизодах, которые «обнаруживают» его участие в формировании исторического знания и традиции историописания Украины.

***

«Пять лет я учился в Киеве. Академия киевская на Подоле в Братском монастыре, двухэтажное массивное здание, с широкими колонадами, в верхнем этаже с залом и церковью конгрегации»¹², — так начинается вторая часть воспоминаний Ильи Федоровича Тимковского «Мое определение в службу». Ко времени, когда 12-летний Илья в 1785 г. поступил в Академию, им уже были освоены азы домашнего образования, пансиона золотоношского Благовещенского женского монастыря и Переяславской семинарии. По пути, проложенному Ильей, старшим из пяти братьев Тимковских, последовали и остальные, сделавшие в дальнейшем блестящую служебную и научную карьеру¹³. В семье золотоношского почтмейстера Федора Назарьевича Тимковского, принадлежавшей к старинному казац-

---

¹² Илья Тимковский, «Мое определение в службу», *Москвитянин* 18, кн. 2 (1852): 27.

¹³ Роман Федорович (1785–1820), со временем директор Педагогического института, изучал древнерусскую литературу, открыл «Задонщину», занявшую место рядом со «Словом о полку Игореве», осуществил первое издание Лаврентьевской летописи. Василий Федорович (1781–1832) — государственный деятель и писатель. П. И. Пестель считал его членом Кавказского тайного политического общества, познакомившим Максимовича с декабристами (Поликарп Марков, *Общественно-политические и исторические взгляды Максимовича* (Киев: Издательство при Киевском государственном университете «Вища школа», 1986), 13). Егор Федорович Тимковский (1790–1875) работал в Министерстве иностранных дел, сопровождал в Пекин духовную миссию, оставил 3-томный труд «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.», вошедший в историю отечественной синологии. Иван Федорович (1778–1808), по семейному преданию, был «прекрасным цветом Тимковщины». После окончания университета он служил в канцелярии графа Воронцова, затем в Комиссии сочинения законов.

кому роду, высоко чтили образованность. Жизнь в родительском доме была насыщена старинными преданиями, поверьями. Брат Ильи Егор, вспоминая детские годы, называл себя «восьмилетним антикварием»¹⁴.

Феноменальная память Ильи Тимковского запечатлела на страницах, посвященных учебе в Киеве, увиденные изнутри подробности академического быта, имена преподавателей и то, как они вели свои предметы. Виктор Прокопович-Антонский, Иван (Ириней) Фальковский, Амвросий Келембет, француз Брульон, который «гордился искусством топографа и устроил магистрату солнечные часы на ротонде фонтана <...> Это были мои учителя <...> Я много всем обязан»¹⁵, — писал спустя полвека Тимковский.

В Академии Илья вошел в «маленькое собрание», которое «завел у себя» по воскресным дням учитель риторики Виктор Прокопович-Антонский. После чаепития собравшиеся поочередно читали журналы, переводные книги. «На первый звон к поздней обедне он [Прокопович-Антонский. — Т.А.] вел нас с большими ключами в академическую библиотеку своего ведомства. Там оставались мы до конца обедни»¹⁶. Книги были особой ценностью. Тимковский вспоминал, что и как читал, как приобретались книги для Академической библиотеки. «Но праздниками для нас были приезды итальянцев из Ломбардии, всякий год весною на месяц, с большою лавкою латинских и французских книг, эстампов и учебного снабдения»¹⁷.

Академия в восприятии мемуариста, при всей концентрации на учебе («я весь был в моих уроках»), была неотделима от общего течения жизни. Тимковский дает легкие эскизные наброски — Киев, Крещатицкие горы, «нависшие по Днепру», наполненные «шумом учащихся», и священный ключ под ногами — «свой Геликон!»¹⁸, несколько примечательных событий, северное сияние, находка клада с серебряными монетами, гривнами, золотыми кольцами и перстнями. Но даже в киевской части воспоминаний автор

---

¹⁴ «Воспоминания Егора Федоровича Тимковского», КС 3 (1894): 372.

¹⁵ Тимковский, «Мое определение в службу», 28.

¹⁶ Там же, 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 30.

«возвращается» на родину — каждый повод переносит его память в Переяслав, Золотоношу, на Ильинскую ярмарку в местечке Крапивна, где нужно было «сделать мне новые сюртук и голландцы¹⁹».

В ученические годы Тимковский особенно увлекался «физико-математической частью». Отец хотел видеть его архитектором или землемером. Илья просил позволения родителей поступить после учебы в инженерную службу, но те были категорически против, считая военных щеголями и мотами. Остановились на учебе в Московском университете, куда Илья Тимковский поступил в 1789 г. и обучался там (1789–1797 гг.) «по части словесности, физико-математических наук, юриспруденции и политики». Его блестящие успехи были отмечены серебряными медалями (1790 и 1792 гг.) по философскому факультету, серебряной (1793 г.) и золотой (1795 г.) медалями по юридическому факультету. С 1796 г. появляются публикации его сочинений в «Приятном и полезном», «Московских ведомостях», альманахе «Аониды», издававшемся Николаем Карамзиным.

В 25 лет выпускник университета становится преподавателем правоведения в Санкт-Петербургском юнкерском институте. Составленное им «Систематическое расположение законов российских» намного опередило «Полное собрание законов». Завершенный труд был передан в Комиссию сочинения законов, и оттуда поступило предложение П. В. Завадовского перейти в Комиссию на службу. Однако Тимковский сделал другой выбор: в 1802 г. он занял должность юрисконсульта в Министерстве юстиции, которое возглавлял Г. Р. Державин. Успешная интеграция провинциала в столице открывала хорошие перспективы для продвижения в карьере. Однако значительный социальный капитал, сформированный благодаря основательному образованию и личным успехам (литературная известность, полезные знакомства и т. д.), не был использован «по прямому назначению», то есть для дальнейшего повышения социального статуса. Проходит всего четыре месяца, и Тимковский оставляет службу в Министерстве, чтобы отныне связать свою жизнь с областью просвещения, научными занятиями, литературными трудами. Оказавшись перед выбором нового места службы — ординарный профессор русского права в знаменитом

---

¹⁹ Голландцы — обтяжные (т. е. обтягивающие тело) штаны.

Дерптском университете или профессор еще практически несуществующего Харьковского университета — Тимковский выбрал Харьков, несмотря на заманчивые дерптские перспективы.

Человек эпохи Романтизма, каким безусловно был Тимковский, — «это человек с особым взглядом на мир, полный рефлексии и жажды деятельности необыкновенной, и не столь уж важно, на каком поприще: артистическом, политическом или научном»²⁰. Спустя десятки лет Тимковский с присущей ему поэтической (романтической) образностью, которая не затуманивала смысл, сформулировал, какими интенциями он был движим, делая выбор. 27 ноября 1836 г. в письме своему племяннику Михаилу Максимовичу (который несколькими годами раньше как будто повторил его жизненный выбор, тоже переехал — из Москвы в Киев, где стал профессором и первым ректором новосозданного университета) Тимковский признавался: «Любезно мне видеть сходство оживленной напоминанием судьбы моей, за 30 лет, когда *приятность служить на родине, в пользу ее, ближе к солнцу, вызвала меня из столицы* [курсив мой. — Т.А.]²¹. «Ближе к солнцу» — внимательному читателю первой части воспоминаний Тимковского легко понять, какое большое содержание вкладывал он в эти слова: страницы воспоминаний, посвященные детским годам²², проведенным на Полтавщине, говорят о непреходящей духовной привязанности к родным местам, ценностям мира его юности, стремлением быть ближе к родной культурной среде и служить ее развитию: «Неотделимо в уме и сердце у меня, что я родился и возрос на южной полосе Малороссии, у благодатных берегов Днепра»²³.

Харьковскому университету и учебному округу были отданы почти десять лет плодотворной напряженной деятельности Тимковского²⁴. К его заслугам следует отнести открытие народных училищ

²⁰ Валерий Турчин, «Мир романтизма. Тоска по идеалам и время мечтаний. Прологомены», *Искусствознание: журн. по истории и теории искусства* 1–2 (2012): 96.

²¹ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», *КС* 10 (1891): 87.

²² Тимковский, «Мое определение в службу», *Москвитянин* 17 (1852): 1–26.

²³ Цит. по: Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 97.

²⁴ См. об этом подробнее: Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», *КС* 8 (1891): 212–236, 9 (1891): 375–406, 10 (1891): 82–97; Дмитрий Багалец, «Деятели Харьковского университета: Роль В. Н. Каразина, С. О. Потоцкого

и гимназий в Екатеринославе, Воронеже, Таганроге, Одессе, Полтаве, Чернигове, Новгороде-Северском. Как визитатор Харьковского учебного округа, Тимковский подбирал учителей для новых учебных заведений, выступал за устройство краткосрочных курсов для учителей при университетах и распространение грамотности среди крестьян. В «Рассуждении о настоящей необходимости учебных заведений и о зависимости крепости народа от его просвещения ...» (1805 г.) он изложил свое понимание значения просвещенности народа²⁵.

Николай Шугуров, внимательно изучавший черновики документов, хранившихся в архиве Ильи Тимковского, пришел к выводу, что граф Станислав Потоцкий, которого, по мнению некоторых авторов, «следовало бы назвать идеалом попечителя»²⁶, «работал руками и головою Тимковского, как это видно из бумаг последнего»²⁷. В течение 1805–1810 гг. Тимковский заменял собою и «отсутствовавшего попечителя учебного округа, и целый университет, и ревизора всех старых учебных заведений в округе, и устроителя всех новых учебных заведений; и можно удивляться тому, как при такой многосложности лежавших на Тимковском обязанностей он успевал все сделать»²⁸. Но напряженная административная и организаторская работа не исчерпывала его деятельность и не могла отвлечь от науки и сочинительства. В это же время им было написано на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество в 1809 г. избрало Тимковского своим членом. К этому можно добавить составленные визитатором церемониалы открытия учебных

и И. Ф. Тимковского в первонач. устройении Харьк. ун-та,» *Харьковские губернские ведомости* 24 ноября (1891): 2; 26 ноября (1891): 2.

²⁵ Опубликовано в «Северном Вестнике» за 1805 г. (ч. 8, № 12) (Константин Лаппо-Данилевский, «Тимковский Илья Федорович,» в *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 3, (Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2010), посещение 20.08.2018, <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10378>).

²⁶ Н. Шугуров упоминал, в частности, М. Сухомлинова (См.: Михаил Сухомлинов, *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению* (Санкт-Петербург: Издательство А. С. Суворина, 1889), 1: 25 и др.).

²⁷ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский,» *КС* 9 (1891): 404.

²⁸ Там же, 405–406.

заведений с ариями, хорами и речитативами, отчеты с обширными статистическими сведениями о городах Украины, речи «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808 г.), «О бывших в России поместьях и поместном праве» (1810 г.), труд «Опытный способ к философическому познанию российского языка» (Харьков, 1811), многие десятки документов и сочинений.

В сентябре 1809 г. Илья Тимковский женился на Софье Халанской, дочери известного педагога, который с момента открытия новгород-северской гимназии был ее директором, общественного деятеля, причастного к новгород-северскому патриотическому кружку. В 1811 г. 39-летний профессор Харьковского университета по причине болезни просил об отставке и, добившись ее, переехал в имение жены Турановку, в 18 верстах от Глухова. Но мечты о тихой семейной жизни в уединении, в любимых занятиях не оправдались. В 1812 г., менее чем через две недели после начала войны с Наполеоном, Тимковский был избран членом дворянского комитета, снаряжавшего ополчение, и состоял в нем до 1815 г. В 1818 г. он был избран на должность глуховского уездного судьи. В 1821 г. его переизбрали еще на один 3-летний срок, но на этот раз Илья Федорович отказался от должности и вернулся в Турановку.

За датами и званиями, запечатлевшими биографические вехи Тимковского, существовал влиятельный пласт деятельности, который вряд ли мог быть отражен в формулярном списке чиновника или краткой словарной статье, однако именно он зачастую являлся мотивирующей основой для жизненно важного выбора. Почти два десятка лет — в Харькове, Глухове, Турановке — Тимковский был активным участником того интеллектуального процесса, который развивала украинская культурная элита — формирование коллективной памяти, актуализация исторических «образцов» для легитимации её социальных устремлений²⁹. В иерархии культурных ценностей украинского дворянства занятия историческими изысканиями имели высокий статус как значимый маркер социальной и этнокультурной идентичности. Для Тимковского, с его любовью и безграничным интересом к знанию, познание через историю

---

²⁹ Татьяна Литвинова, «Историческая память и инструментализация прошлого в социальных проектах дворянства Левобережной Украины середины XIX в.», *Харківський історіографічний збірник* 15 (2016): 210–216.

стало жизненной потребностью. В этом смысле особый интерес представляет переписка³⁰ Тимковского с Ильей Квиткой (1745 — после 1814), историком-любителем, исследователем Слободской Украины, дядей Г. Ф. Квитки-Основьяненко³¹. «Илия Иванович Квитка, который, не быв в монастыре, жил в мире, как в пустыне, ибо он имел у себя особенное уединенное жилище и не знал никуда других дорог, кроме как к бывшему тогда преосвященному Павлу, у которого он поучался христианской жизни»³², — писал в труде о Харьковской епархии архиепископ Филарет (Гумилевский). Однако была еще одна дорога Квитки — к близкому ему по интересам и по духу Тимковскому, к которому замкнутый и нелюдимый Квитка относился с безграничным доверием и почтением, дорожил его мнением, просил советов. «Почтеннейший друг Илья Федорович, — неизменно обращался Квитка к Тимковскому, — <...> ежели еще сискать могу относимии к Малой России бомаги, доставлю к вам», — заверял он в одном письме, а в другом подтверждал, что такие обмены интересующими их обоих документами, сведениями, мнениями — знаки «между нами заключенного дружества»³³.

В 1810–1814 годах между Квиткой и Тимковским шло интенсивное личное и эпистолярное общение, основной темой которого были материалы «относительно до Малой России» (как писал Квитка в одном из писем). Кроме рукописных копий документов, которые шли в обе стороны, в письме Квитки упомянута отправка его со-

³⁰ Письма И. Тимковского, по-видимому, не сохранились, но эмоциональные откровенные письма И. Квитки дают представление о содержании переписки в целом.

³¹ См. о нем: Николай Шугуров, «Илья Иванович Квитка, неизвестный писатель конца прошлого и начала текущего столетия», *КС* 3 (1890): 444–453; Олег Журба, *Становлення української археології: Люди, ідеї, інституції* (Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського університету, 2003); Володимир Маслійчук, «Ілля Іванович Квітка — малознаний історик кінця XVIII — початку XIX століття», *Український археологічний щорічник* 10/11 (2006): 318–342.

³² Филарет (Гумилевский), *Историко-статистическое описание Харьковской епархии* (Харьков: В Университетской типографии, 1857), 132 (отд. 2).

³³ Письмо И. Квитки И. Тимковскому от 11 декабря 1810 г., IP НБУВ, ф. II, спр. 3575, арк. 1.

Несколько писем И. И. Квитки И. Ф. Тимковскому (1810, 1812, 1814 гг.) сохранились: IP НБУВ, ф. II, спр. 3575, 3576, 3577, 3578; ф. III, спр. 7434, 7435, 7436.

чинения — «описания о слободских полках»³⁴. Это напечатанная в харьковской университетской типографии в 1812 г. «Записка о слободских полках», опубликованная без указания имени автора (по просьбе Квитки, высказанной в письме). Установить его позволили эпистолярные источники, из которых видно, что Квитка просил Тимковского редактировать и дополнять его рукопись, и даже «ставить свое имя» под публикацией³⁵.

Письма Квитки были известны исследователям и использовались в статьях, но авторы не акцентировали внимание на том обстоятельстве, что общение нелюдимого Квитки с Тимковским было основано на *взаимном* интересе к истории. Сохранившиеся письма Квитки не оставляют сомнения, что история Украины была главной темой этой эпистолярной коммуникации и той прочной нитью, которая привязала друг к другу этих столь несхожих между собой людей. Наконец, исследователи, работавшие с письмами, пропустили очень примечательную фразу из письма Квитки от 9 сентября 1814 года: «... Покорно прошу уведомить меня, пишете ли вы историю о Малой России [курсив мой. — Т.А.]»³⁶. Такой вопрос вряд ли возник спонтанно, без того, чтобы Тимковский не дал повод для «подозрения» либо в конкретно высказанном намерении, либо благодаря своей вовлеченности в обсуждение исторических сюжетов, знанию источников, исторической эрудиции, собиранию исторических документов. Не в это ли время зародился слух, через тридцать лет сообщенный Пантелеймоном Кулишем Осипу Бодянскому?

В бытность визитатором Харьковского учебного округа Тимковский не ограничивал круг своих исторических интересов Слобожанщиной. Все эти годы судьба как будто намекала ему на предстоящую тесную связь его жизни с Северщиной. В 1807 г. он приезжал в Новгород–Северский для подготовки открытия гимназии, в 1814 г. участвовал в обсуждении вопроса о Новгород–Северском университете. Речь о попытке реанимировать давнюю идею: еще в декабре 1802 г. малороссийский генерал-губернатор

³⁴ Письмо от 19 мая 1810 г., ИР НБУВ, ф. III, спр. 7434.

³⁵ ИР НБУВ, ф. III, спр. 7434.

³⁶ Там же, спр. 7437, арк. 2. В статье Н. Шугурова упомянуто это письмо, но приведена другая цитата (Шугуров, «Илья Иванович Квитка, неизвестный писатель,» 446).

А. Б. Куракин поручал тогдашнему директору народного училища И. Халанскому разработать проект университета в Новгороде–Северском, считая это делом «только способствующим благу общему». К марту следующего года Халанский выполнил поручение, но до практического воплощения не дошло. И когда спустя двенадцать лет вновь всплыл этот вопрос, Тимковский высказал предложение, неожиданное для недавнего харьковского визитатора. В письме директору департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартынову он обосновывал целесообразность перенесения в Новгород–Северский именно Харьковского университета, созданию которого он отдал столько сил:

Харьков для слободеных полков Сумам предпочтенный яко центральный, долго бывший главною квартирою охранных войск по дикой степной линии, стоя на пересечне двух торговых путей, сделавшись городом губернским с изрядною торговлею, далее сего не простирает цены своей. Что для такого города достаточно, то весьма скудно для университета³⁷.

Перебрав несколько городов (в том числе Киев) и в каждом найдя изъяны, Тимковский обращается к Новгороду–Северскому, видя в нем все необходимые достоинства, для «обители разума», позволяющие ему стать украинской Йеной, Галле или Геттингеном³⁸. В этой справке Тимковский упомянул, что, служа Харьковскому университету, он «собрал первый и один местные и сравнительные сведения о целом его округе»³⁹. На самом деле дело не ограничивалось Слобожанщиной, все годы службы визитатором Тимковский целенаправленно собирал историко–статистические сведения о городах Украины⁴⁰.

³⁷ IP НБУВ, ф. II, спр. 3700.

³⁸ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский,» КС 10 (1891): 90.

³⁹ IP НБУВ, ф. II, спр. 3700, арк. 1.

⁴⁰ Такие заметки являются содержательным историческим источником. Например, небольшой черновой набросок о Стародубе открывают рассуждения о местном дворянстве, «довольно образованном в светскости». В абзаце о раскольничьих слободах, «вышедших как-то из Белоруссии», в скобках для памяти отмечено — «справиться», то есть проверить. Дальше обстоятельно объясняется, почему эти слободы «самые промышленные». Тут помогли личные наблюдения и умение анализировать увиденное.

В 1817 г. Тимковский вновь побывал в Новгороде–Северском для встречи с графом Н. П. Румянцевым. Этот визит известного мецената, страстно увлеченного историей, оказался полезен для гимназии. Румянцев предложил организовать нечто вроде конкурса для сочинения истории Северского княжества⁴¹. «Когда отозвались ему скудостью библиотеки в необходимых для того материалах, он потребовал списка нужных книг и вскоре потом для библиотеки гимназии прислал некоторое количество оных», — сообщал автор «Записки о Новгород–Северской гимназии»⁴². По-видимому, кто-то из преподавателей гимназии подал Румянцеву уже имевшееся сочинение о Новгороде-Северском. Примечательно, что граф передал этот текст именно Тимковскому, желая знать его мнение. Летом

Утрата Стародубом роли торгового центра, основные продукты, торговлю которыми взяли на себя слободы, качество продуктов, цены — все это взято на заметку. Стародубовская слобода Воронок «есть главное место торгу пеньки», а «Погар отличается торгом конопляного масла или олии, почему же в одном месте пенька, а в другом олей? Так разделено?» — подмеченная сельско-хозяйственная специализация тоже заинтересовала Тимковского. Тон изложения меняется в последних двух сюжетах — исчезает бесстрастность, повествование получает эмоциональную выразительность. В селении, которое А. Разумовский отдал в аренду немцу, арендатор на все наложил подати, «и даже что с ноги коровы, что с ноги лошади, что с ноги собаки. Крестьяне бранят его иродом», но это, пожалуй, и весь их протест. В судебных и исполнительных органах с тех пор, как должности стали выборными, меньше взяточничества. Но «выбираемым должно быть жалованье», — пишет Тимковский, ибо как можно ждать честной службы, если чиновникам жить не на что и даже присутственные места располагаются в лачуге, где нет дров для отопления — «жалкая бедность!». Последняя тема, затронутая в этом наброске, — рекрутский набор. Позволю себе большую цитату: «Как рекрут набирают, приходит известие, что будет набор; помещик или волостное правление должны проведать о том наперед. Где надобно выбрать и одного рекрута, там схватывают человек 6 или 8, куют в железа и содержат иногда месяц; какая расстройка печальная и тиранская. А если не успеют схватить и народ узнает наперед, то все годные в рекруты разбегутся на время набору и тогда хватают кого ни попадя. И так иногда пьяница и негодяй, а иногда и холостяк из большой семьи остается, а отдают мужа от жены и детей, и человека безбратного. Приведут его, разденут, толкают, вытягивают, бьют, грабят. О Боже, я видел рекрутские наборы. Нельзя не содрогнуться, а там жена и дети обливаются слезами...» (IP НБУВ, ф. II, спр. 3678).

⁴¹ IP НБУВ, ф. II, спр. 3533, арк. 5.

⁴² Там же, арк. 5–5 зв.

1818 г. секретарь Румянцева Г. Д. Богацкий сообщал Тимковскому, что граф «очень удивляется, что оставленной вам для рассмотрения рукописной тетради о Новгороде-Северском Вы доселе его сиятельству возвратить не изволили». В подробном ответе Тимковский, тогда глуховский судья, объяснял:

По количеству снятых на руки дел и колодников я увидел себя или на первом дне Творения, или в Геркулесовом подвиге у царя Авгия. Но сколько мне остается власти над самим собой, я не укосил по соизволению Вашего сиятельства, при тусклом свете северской истории, пройти записку на великом расстоянии от возможного до истинного⁴³.

Достоверность «записки» Тимковский оценил невысоко: «Все оные смешенные повести о новгород-северских памятниках *давно вошли в мое любопытство* [курсив мой. — Т.А.]; однако я не более нашел в них доселе, как простое и неведомое сказание». Однако, по мнению Тимковского, не следовало пренебрегать подобными трудами, поскольку в них «много отдельно мелкого, что быв связано и сличено, полезное дать может пособие будущим историографам нашего государства». В какой-то мере характеристика, которую Тимковский дал этому сочинению, перекликается с выводом В. С. Иконникова об аналогичных произведениях, названных им «летописными записями». Их отличительной чертой ученый называет легендарный, а нередко мифологический характер, «за которым уже трудно уловить какие-либо исторические черты. Если некоторые эпизоды, внесенные в эти позднейшие летописи, заслуживают внимания, то в большей своей части они лишены исторического значения»⁴⁴.

«[Р]укописная тетрадь о Новгороде-Северском» сохранилась в собрании Румянцева⁴⁵, но это не единственный текст сочинения:

---

⁴³ Письмо И. Ф. Тимковского Н. П. Румянцеву от 5 сентября 1818 г., Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (далее — РГБ ОР), ф. 255, д. 26.

⁴⁴ Владимир Иконников, *Опыт русской историографии* (Киев: Типография императорского университета Св. Владимира, 1908), 2, кн. 2: 1438.

⁴⁵ Рукописное собрание Румянцевского музея находится в составе Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. «Примечание о Новгороде-Северском ...» (РГБ ОР, ф. 256, д. 177, лл. 107–119 об.).

по-видимому, Тимковский снял копию для себя⁴⁶ (и это могло быть одной из причин задержки ответа Румянцеву). Название обеих рукописей: «Примечание о Новгороде Северском с печатных книг, рукописных записок и всенародных от предков уверений учиненное». Действительно, как обещает название, в сочинении есть «печатные книги» и «рукописные записки», но явно преобладают «от предков уверения», предания, дух легендарного. Целью автора не было изъяснение истории, он стремился к такому изложению событий, которое возвысило бы Новгород.

Выразив готовность способствовать собиранию памятников и преданий и самому участвовать в этом, Тимковский высказывает несколько мыслей о затронутых исторических сюжетах:

Полоса от Новгород-Северска до Киева и Смоленска исполнена распрей переговоров и многообразия военных действий. Сила и слабость князей его в свою очередь расширяла и умяляла область. Кровные связи и вражды их помогли основанию Московского княжества. Восточные пределы области едва ли не заставят искать Тмутаракани⁴⁷ не ниже полтавского жилища половцев, или опять между Ахтырки Болтина и Рязани Татищева. Сия же область и паче от Гедемина была предметом, на котором взоры Москвы и Вильны часто встречались. В рассуждении преобладания татар и Литвы, сочинитель должен будет сноситься с историею сих народов, каковы Абулгази и Кояловича, которых впрочем недостает в гимназии.

Далее Тимковский останавливается на сюжетах, которые больше интересовали Румянцева, и как бы между делом упоминает о недостающих книгах — в продолжение забот о новгород-северской библиотеке. Н. П. Румянцев прислал благодарность за письмо и возвращенную ему тетрадь. Признавая, что в изысканиях древностей «труда предстоит много, верность в преданиях небольшая», он призывал «сими неудобствами не скучать и не пугаться»⁴⁸.

⁴⁶ Второй экземпляр «Примечания...» хранится в Киеве: IP НБУВ, ф. II, спр. 3698.

⁴⁷ Имеется ввиду Тмутаракань, упомянутая в «Списке русских городов дальних и ближних» (помещалась обычно в летописях и сборниках XV — XVII вв.), между Мирославицами и Остречьским городом на Десне, то есть на левом берегу Днепра (см.: Михаил Тихомиров, «Список русских городов дальних и ближних», *Исторические записки* 40 (1952): 214–259).

⁴⁸ IP НБУВ, ф. III, спр. 4917.

Исторические интересы пронизывали, наполняли, а порой и формировали коммуникативное пространство эпохи. Одним из факторов востребованности исторического знания для украинской элиты была необходимость обоснования социального статуса при интеграции украинского общества в имперские социальные структуры. В сентябре 1824 г. малороссийский генерал-губернатор князь Николай Репнин, активно поддерживавший ходатайство о специальном законе, приравнивающем украинское дворянство к российскому, писал Тимковскому:

Окончивая занятие мое делом о правах собственности малороссийских козаков, для меня весьма приятно принести Вам искреннюю благодарность за сообщение мне <...> мнения вашего, изложенного по сему предмету, которым я при соображении всех изданных о правах сего народа узаконений очень много руководствовался — и поместил некоторые статьи приведенных грамот в свои доказательства⁴⁹,

Репнин, у которого чиновником особых поручений несколько лет служил автор «Истории Малой России» Дмитрий Бантыш-Каменский, обратился к Тимковскому с просьбой: «Но дабы дать им большую основательность, я бы желал указать те сочинения, в коих оные помещены, и потому покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, одолжить мне ежели можно подлинные книги, в коих содержатся грамоты: королей Казимира III-го от 17-го марта 1339-го о рыцарстве русском и Стефана Батория от 19-го апреля 1579-го года о правах и привилегиях рыцарства войск русских, или же сообщить мне, где именно оные напечатаны, или откуда Вы их почерпнули...».

Тимковский был если не центром, то важным звеном трансляции представлений и знаний о прошлом. Многие современники считали его эстетом, ценителем и знатоком литературы и искусства. Будущий автор «Истории Малороссии» Николай Маркевич писал Тимковскому:

Извините меня за дерзость, которую приемлю я обезпокоивая Вас моим письмом. Но Вы мне покровительствовали несколько раз Ваши чистосердечными и благодетельными советами, будьте и теперь моим покровителем у престола муз. <...> [Т] еперь когда я намерен на-

---

⁴⁹ Письмо кн. Н. Г. Репнина И. Ф. Тимковскому от 7 сентября 1824 г., из Яготина в Глухов (ІР НБУВ, ф. III, спр. 4919).

печатать сей отрывок, скажите мне Ваше мнение, дурно ли, хорошо ли я сделал, исполнив мое предприятие. И если Вы одобряете намерение мое, то окажите мне величайшую милость с Вашей стороны, написав мне адрес Харьковского журнала, ибо я, как малороссиянин, хочу издавать в Малороссии первые опыты мои...⁵⁰.

Сохранение исторического наследия было для Тимковского не абстрактной идеей, а практической задачей. В 1829 г., узнав о намерении властей продать на слом триумфальные ворота XVIII века, он взял «браму» под свою защиту и обратился к черниговскому губернатору: «Много и то мы потеряли памятников, прежде нежели стали знать их достоинство. Не возможно описать всех чувствований, какие возбуждает вид всякой древности, ибо удовольствия в них сообразны натуре человеческой»⁵¹.

После отставки в 1821 г. Тимковский был намерен навсегда поселиться в Турановке в кругу семьи, на природе, но прошло чуть более трех лет, и он вновь изменил планы ради трудов на ниве просвещения. В марте 1825 г. умер И. Халанский. Через два месяца попечителем Харьковского учебного округа был назначен Алексей Перовский, государственный деятель, писатель–романтик, известный читающей публике под псевдонимом Антоний Погорельский, тесно связанный семейными корнями⁵² и творчеством с Украиной. Будучи лично знаком с Тимковским, Перовский предложил ему принять директорство в Новгород–Северской гимназии. Приняв предложение, Тимковский 24 августа 1825 г. вступил в должность⁵³. В первой половине XIX в. за этой гимназией прочно держалась репутация лучшей в Украине⁵⁴. В 30-х гг. вынашивались планы

⁵⁰ Письмо Н. Маркевича И. Тимковскому от 21 ноября 1824 г., Туровка, ІР НБУВ, ф. III, спр. 4920.

⁵¹ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 92–93.

⁵² А. А. Перовский (1787–1837) был внебрачным сыном графа А. К. Разумовского, провел детство в его украинском имении, где получал первоначальное домашнее образование.

⁵³ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 82–84.

⁵⁴ См., например: Северянин [Николай Шугуров], «К столетию Новгородсеверской гимназии», *КС* 9 (1888): 63–70; Володимир Маслійчук, «Въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и как бы одной гимназiи принадлежащемъ» (Новгород–сiверське училище (гiмназiя) кiнця XVIII — початку XIX ст.), *Сiверянський лiтопис* 6 (2016): 162–174.

перевода ее в Нежин для поддержания авторитета и значения Нежинского лицея⁵⁵. Тимковский приложил большие усилия, чтобы оставить гимназию в Новгороде. Его аргументами были здоровый новгород-северский климат, покой, но самое существенное — непреходящая ценность Новгорода как «города многих исторических памятней»⁵⁶. Михаил Максимович, воспитанник этого учебного заведения (1812–1819 гг.), писал, что его дядя гимназию «любил, как дитя свое, был в ней весь — до изнеможения сил, и поставил ее на высокую степень совершенства»⁵⁷.

В 1838 г. по окончании узаконенного срока службы, 65-летний Илья Тимковский вышел в отставку. Последние пятнадцать лет жизни он провел в Турановке не только «в непрестанном попечении о семье своей и хозяйстве», но и в «ежедневной беседе с музами»⁵⁸. Максимович, вспоминая о своем любимом наставнике, упоминает, что после отставки Тимковский написал три статьи: «о Дажбоге, сцены из своего судейства и о малороссийском пчеловодстве»⁵⁹. По-видимому, он не знал, что и в эти годы среди муз, с которыми «вел беседы» Тимковский, была Клио.

***

Начав «Записки для истории Малороссии» «с 1849, янв. 12», Тимковский написал шесть листов, оттачивая каждую фразу, уточняя каждое слово, выверяя даты и имена. Можно предположить, что весной и летом он переключился на занятия сельским хозяйством, планируя продолжение своего исторического труда на осень–зиму. Но в сентябре проведать дядю в Турановку приехал Максимович. Они давно не виделись, много беседовали; племянник увлеченно слушал рассказы Ильи Федоровича «о нашей родной старине и о событиях великого русского мира в переходе прошлого века в нынешний»⁶⁰. В один из дней племянник «просил его [Тимков-

⁵⁵ Как писал один из корреспондентов Тимковского, этот план должен был «уничтожить хорошее для того, дабы полатать гнилое» (IP НБУВ, ф. III, спр. 7464, арк. 2).

⁵⁶ Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 89.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Максимович, «Воспоминание о Тимковских», 264.

⁵⁹ Там же, 265–266.

⁶⁰ Там же, 265.

ского. — Т.А.] приняться за записки», но речь шла не о записках по истории, а о воспоминаниях. И к Пасхе (23 апреля 1850 г.) Максимович получил из Турановки «драгоценную писанку, целое сказание, за зиму написанное, которое потом и напечатал он под названием «Мое определение в службу»⁶¹. Парадокс, но скорее всего именно Максимович отвлек Тимковского от задуманного исторического труда. Неизвестно, знал ли он об «исторических планах» дяди, во всяком случае, не сохранилось ни одного упоминания об этом Максимовичем. Тимковский, похоже, не сожалел о прерванной (как оказалось, навсегда) работе. Это был его выбор, и он ощущал свои воспоминания крылатыми идеями, возрождающимися как феникс. «Как приятны эти бесконечные возрождения! — писал он Максимовичу. — Человек не существует, если не видит себя вне себя; он любит себя в своих творениях, в детях и внуках. Чем обширнее и выше его действие, тем сильнее и лучше чувствует он свое бытие»⁶².

Тимковский сопроводил воспоминания предисловием в форме послания сыну Василию, под которым стояла дата завершения работы: «1850, апр. 9. Слоб. Турановка»⁶³. 12 апреля воспоминания были отосланы Максимовичу с сопровождающим письмом, в котором автор с иронией назвал еще одного «виновника» этого мемуарного бума:

Выросла кипа, какой не ожидал я, и утомила меня в моих недосугах. Можно сказать собственно, начальною причиною этого зла г. Погодин. Его желание при святом для меня имени Шувалова так электрически или магнетически меня подвигло. Из всего же сказания непосредственно в ответ по запросу, как увидишь, служит только третья часть, а целое следует тебе как памятник из моей жизни и ее современности <...> Из него же увидишь, что оно есть сказание домашнее. И если бы вздумалось что напечатать, то разве за моею переделкою, и то не от моего имени, а третьим лицом. Я говорю это относительно мелких частных, вовсе неинтересных для публики и общего чтения⁶⁴.

На самом деле «начальной причиной» был все-таки сам Тимковский. Еще в начале 1840-х гг., обращаясь к Погодину с личной

⁶¹ Там же, 266; Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 94.

⁶² Письмо от 4 июня 1850 г. цит. по: Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 95–96.

⁶³ Тимковский, «Мое определение в службу», 1.

⁶⁴ Письмо И. Ф. Тимковского М. А. Максимовичу от 12 апреля 1850 г., IP НБУВ, ф. III, спр. 4976.

просьбой о протекции при поступлении в Московский университет сыновьям своего соседа Лазаревича, он сопроводил просьбу рассказом о связях своей семьи с прославленным учебным заведением⁶⁵. Достаточно было такого опосредованного повода, чтобы разбудить университетские «фреймы» памяти, сохранившей события целой исторической эпохи. Спустя несколько лет Погодин обратился к бывшему воспитаннику университета с просьбой написать воспоминания об И. И. Шувалове.

Максимович сразу оценил «сказание» и принялся уговаривать своего дядю согласиться на публикацию. Дело увенчалось успехом, поскольку, как видно из цитированного выше письма, Тимковский и сам был готов к этому. В конце марта 1851 г. он сообщал Погодину об отправке ему «другого труда моего», то есть «Памятника Шувалову», который был окончен еще 12 января, но «отправку замедлила переписка, для которой я должен был сам перебелить его, по особой прихоти, где бывает нужно, думать заново о том, что написал»⁶⁶. И необходимость самому «перебелить», то есть переписать начисто из-за неразборчивого почерка, и продолжающееся при переписывании редактирование текста — штрихи к картине, представляющей работу и над «Записками к истории Малороссии». «Памятнику» повезло больше.

Погодину «Памятник» понравился. Обрадованный автор писал издателю: «Я готовил Памятник свободно, без умолчаний, как *историческое предание века* [курсив мой. — Т.А.], на которое почитал себя обязанным, вовсе не помышляя о напечатании его»⁶⁷, — и тут же дал согласие на публикацию трех частей «Моего определения в службу». Успех первых мемуарных текстов и взаимопонимание с издателем вдохновили Тимковского на новые идеи: «в голове светлеет мысль, сообщить вам нечто подобное из судейской моей жизни», — сообщал он в том же майском письме Погодину, узнав о посещении им церкви пересыльных. А еще в марте вел речь о намерении писать новые воспоминания «с именем «Мое семейство», проходящее в связи ветвей и отраслей рода с истори-

---

⁶⁵ Письмо И. Ф. Тимковского М. П. Погодину от 20 мая 1842 г., РГБ ОР, Пог./II 339.

⁶⁶ Письмо И. Ф. Тимковского М. П. Погодину от 28 марта 1851 г., РГБ ОР, Пог./II 339, л. 8.

⁶⁷ Письмо И. Ф. Тимковского М. П. Погодину от 30 мая 1851 г., РГБ ОР, Пог./II 339, л. 4.

ей и обычаями стороны — разделавшись не оставлю, как смогу, поискать чего из общей старины для вас, тоже и деловое о землях козачьих, если отыщу в накоплении архивной груды бумаг»⁶⁸.

Смена жанра — от исторических «Записок» к мемуарному «сказанию» — не вызвала затруднений, потому что их объединял исторический способ мышления автора, для которого между историей и памятью не было зазора. Поэтому так естественно уже на втором листе «Записок» появляются «Episodes en swift» — короткие вставки-эпизоды, подсказанные Тимковскому его памятью. А говоря о «литературе истории», он добавляет сведения о личных встречах с некоторыми сочинителями, иногда близкие к историческим анекдотам. Рассуждения об исторических событиях и явлениях прошлого проникнуты личностным отношением, впечатлениями, воспоминаниями, перекидывающими мост между далекими событиями и современностью, людьми, подвизавшимися на историческом поприще, прочитанными или только увиденными редкими книгами, рукописями, их судьбами, авторами.

Это свойство Тимковского перекликается с замечательно подмеченным Максимовичем: «Так у него во всем — проза сельского хозяйства принимала вид классической буколки. Да и в нем самом нельзя было довольно налюбоваться художественным сочетанием многостороннего, основательного знания и строгого во всем систематизма, с живою, теплою любовью к поэзии всех веков и народов»⁶⁹. Взаимоотношения этих двух текстов — незавершенных «Записок» и написанных на одном дыхании воспоминаний — представляют интерес в контексте дискуссии о соотношении истории и памяти⁷⁰: является ли память «сырьем» для истории или она не должна служить источником для реконструкции исторических фактов, в нашем случае — была ли история ремеморацией памяти или память стала продолжением истории? Подробнее мы остановимся на этих вопросах при публикации «Записок для истории Малороссии», во второй части статьи⁷¹. А для первого предварительного рассмотрения осталась обещанная краткая историогра-

⁶⁸ Письмо И. Ф. Тимковского М. П. Погодину от 25 марта 1851 г., РГБ ОР, Пог/II 339, л. 6 об.

⁶⁹ Цит. по: Шугуров, «Илья Федорович Тимковский», 97.

⁷⁰ См., например: Аллан Мегилл, «История и память: за и против», *Философия и общество* 2 (2005): 132–165.

⁷¹ Публикация будет помещена в следующем выпуске «Київської Академії».

фическая часть и тесно с ней связанная информация об архивной части собрания Ильи Тимковского.

***

В 1880-х — начале 1900-х гг. в «Киевской старине» появились публикации о жизни и деятельности Тимковского и статьи с многочисленными упоминаниями о нем в связи с историей Новгород-Северской гимназии, трудами Ильи Квитки, воспоминаниями В. И. Тимковского и др.⁷² Их авторами были упомянутые выше Михаил Максимович, Николай Шугуров и Владимир Науменко. Всех трех авторов связывали прочные творческие отношения, и все они в большей или меньшей мере соприкасались с Тимковским и его наследием.

Михаил Александрович Максимович был сыном сестры Тимковского. Их связывали не только родственные, но и духовные, творческие, интеллектуальные узы⁷³. «[Л]учшая сторона моего бытия, от рождения и до старости — Тимковщина. Мне весело и пером написать тебе это, помнится, сказанное тебе в наших майских личных беседах», — писал Максимович двоюродному брату Василию Тимковскому⁷⁴. Собирая материалы для биографии Ильи Тимковского и его четырех братьев, Максимович просил:

---

⁷² Шугуров, «Илья Федорович Тимковский,»; «Воспоминания Егора Федоровича Тимковского,» 359–381; Максимович, «Воспоминание о Тимковских», 254–272; «К портрету Ил. Ф. Тимковского,» КС 12 (1899): 413–415; Северянин, «К столетию Новгород-Северской гимназии,» 63–70; Науменко, «Памяти И. Ф. Тимковского,» 133–136; и др.

⁷³ Вопрос о влиянии И. Ф. Тимковского на формирование личности и исторических взглядов М. Максимовича еще не стал предметом специального научного рассмотрения. Исследователи тезисно отмечают роль всех братьев Тимковских в жизни их племянника (см. наприм.: Виктор Короткий, «Науковий подвиг дослідника української культури (До 200-річчя від дня народження Михайла Максимовича),» *Народна творчість та етнографія* 1/2 (2004): 3–17; Олексій Ясь, «Фрагмент як форма мислення: романтичний світ Михайла Максимовича,» в *Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова* (Київ, 2007), 477–516.

⁷⁴ Письмо М. А. Максимовича В. И. Тимковскому от 27 января 1873 г., IP НБУВ, ф. III, спр. 4980.

Собирай неустанно сведения о пяти братьях, дядьях моих, и сообщи все, что уже успел собрать, мне на Михайлову Гору. Там на просторе надднепровском, коли Бог пошлет силу и вдохновение, воспроизведется Тимковщина на память добрым людям будущих поколений⁷⁵.

К этому времени тема «Тимковщины» уже около двадцати лет присутствовала в планах Максимовича. Первый толчок для нее был дан С. П. Шевыревым, обратившимся в 1854 г. к Максимовичу с просьбой написать биографии братьев Тимковских для биографического словаря замечательных воспитанников Московского университета. Однако, вместо биографий у Максимовича вышли воспоминания (он объяснял это невозможностью получить послужные списки Тимковских из Петербурга), которые были опубликованы лишь более сорока лет спустя (1898 г.) в «Киевской старине» («Словарь питомцев Московского университета» не был издан).

Поэтому, когда второй из упомянутых авторов — Николай Васильевич Шугуров — готовил в 1888 г. статью о Новгород-Северской гимназии, воспитанником которой он был, он практически ничего не знал о ее втором директоре⁷⁶. Однако поиск материалов был продолжен после публикации, Шугуров добрался до домашнего архива Тимковских в Турановке, где бумаги лежали в трех больших сундуках в полной безвестности. У Шугурова сложилось впечатление, что сохранившиеся рукописи «со времени смерти И. Ф. Тимковского до сей поры, по-видимому, никем не были тронуты, несмотря на то, что, как мы видели из переписки сына Ильи Федоровича Василия Ильича Тимковского с Михаилом Александровичем Максимовичем, оба они в течение своей жизни были заняты мыслью о том, что надо бы было написать биографии как Ильи Федоровича, так и его братьев, которые обоим им приходились родными дядями». По словам Шугурова, в сундуках были «целые сотни писем» и других материалов для биографий Тимковских. За возможность ознакомиться с бумагами Шугуров выражал благодарность внучке Ильи Тимковского О. А. Постельниковой, которая стала хозяйкой Турановки. По-видимому, некоторые рукописи из сундуков деда она передала ему для написания статей. Одна из публикаций была

---

⁷⁵ Из письма М. Максимовича В. Тимковскому от 3 июня 1872 г., см.: Максимович, «Воспоминание о Тимковских,» 256.

⁷⁶ Северянин, «К столетию Новгородсеверской гимназии,» 63–70.

непосредственно подсказана найденными здесь письмами. Это статья «Илья Иванович Квитка, неизвестный писатель конца прошлого и начала текущего столетия»⁷⁷, содержание которой сводилось к определению автора изданных в 1812 г. «Записок о слободских полках с начала их поселения до 1766 года».

Третий автор интересующих нас публикаций в «Киевской старине», Владимир Павлович Науменко (1852–1919), родился в семье директора Новгород-северской гимназии Павла Осиповича Науменко. Именно в доме отца началось его знакомство с Михаилом Максимовичем, продолженное позже, когда Науменко, уже как студент Киевского университета, стал репетитором сына Максимовича Алексея⁷⁸. Науменко от самого Максимовича часто слышал рассказы «о его дяде И. Ф. Тимковском, от которого он [Максимович. — Т.А.] приобрел и первые свои познания в науках»⁷⁹. После смерти Михаила Максимовича († 1873) рукописи ученого, как писал его первый биограф С. И. Пономарев, «подвергались то пересмотру со стороны лиц, посещавших его усадьбу, то скитальничеству с места на место, из города в город. От этого произошло то, что письма смешались, перепутались, разрознились, и привести их в порядок крайне трудно, а пользоваться ими для какого-нибудь цельного труда, связного очерка — положительно невозможно»⁸⁰. Даже такой опытный автор, как Пономарев, был не в силах упорядочить рукописи, ему приходилось «просто делать извлечения из случайно находимых, сколько-нибудь интересных, данных»⁸¹. В период между 1893 и 1907 гг., когда Владимир Науменко возглавлял «Киевскую старину», с ней сотрудничал Николай Шугуров. «Каталог рукописей и старопечатных книг» В. П. Науменко содержит много позиций с материалами «из собрания Н. В. Шугурова»⁸². Таким об-

⁷⁷ Шугуров, «Илья Иванович Квитка, неизвестный писатель,» 444–453.

⁷⁸ Ірина Скоропад, «Вплив М. Максимовича на формування особистості В. Науменка», посещение 19.08.2018, http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ipa_2007_1_11.

⁷⁹ Науменко, «Памяти И. Ф. Тимковского,» 133–136.

⁸⁰ Степан Пономарев, «Киевская старина и новина,» *Киевлянин* 93 (1881): 1.

⁸¹ По сведениям В. С. Иконникова, рукописное собрание Максимовича, не сохранившееся в целостном виде, перешло частично В. Б. Антоновичу и В. П. Науменко, «какая-то часть разошлась по другим собраниям»: Иконников, *Опыт русской историографии* (Киев: Типография императорского университета Св. Владимира, 1892), 1, кн. 2: 1284.

⁸² ІР НБУВ, ф. 208, спр. 2.

разом, рукописи И. Тимковского, в том числе «Записки для истории Малороссии», могли попасть в собрание В. Науменко и от М. Максимовича, и из Турановки через Н. Шугурова. В любом случае «Записки» должны были побывать в руках этих трех тружеников «на поле общественно-научном»⁸³, которые в конце XIX — начале XX в. приняли эстафету от деятелей, столетием ранее положивших начало украинскому историко-культурному подъему. Однако, подчеркнув вновь, историописательские пробы Тимковского, как и в целом его исторические интересы, оставались незамеченными.

Не вошел Тимковский и в круг «прежних изыскателей малорусской старины», обозначенный Александром Лазаревским⁸⁴. Александр Оглоблин, создавая исторические портреты украинских интеллектуалов XVIII — начала XIX в.⁸⁵, много внимания уделил Новгороду-Северскому как центру формирования украинской идеи, с которым в начале XIX в. были связаны масштабные культурные, образовательные и идеологические проекты. Но Тимковский упомянут только как принявший от Халанского эстафету директорства Новгород-Северской гимназией и как его зять. Наконец, в капитальном «Опыте русской историографии» В. С. Иконникова о Тимковском сказано только в связи с его мемуарными текстами.

Современные авторы упоминают Илью Тимковского в контексте истории образования, культуры, историографии, но в последнем случае — лишь в связи с историописанием Ильи Квитки, Михаила Максимовича и других современников Тимковского⁸⁶. На этом

⁸³ «Памяти М. А. Максимовича,» КС 11 (1898): 218. Слова, адресованные М. Максимовичу, в полной мере могут быть отнесены ко всему авторскому «трио». Правда, осуществляли публикации в «Киевской старине» двое из них — Н. Шугуров и В. Науменко: М. Максимовича не стало в 1873 г.

⁸⁴ Александр Лазаревский, «Прежние изыскатели малорусской старины,» КС 12 (1894): 349–387; 2 (1895): 170–194; 1 (1897): 92–111; 2 (1897): 275–310.

⁸⁵ Олександр Оглоблин, *Люди старої України* (Мюнхен: Дніпрова Хвиля, 1959); Олександр Оглоблин, *Опанас Лобисевич. 1732–1805* (Мюнхен — Нью-Йорк: Дніпрова Хвиля, 1966).

⁸⁶ См. наприм.: Олексій Ясь, *Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX — 80-ті роки XX ст.): У 2 ч.* (Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2014); Ясь, «Фрагмент як форма мислення,» 477–516. В монографії О. Журбы И. Тимковский назван «харківським істориком», который «одним із напрямків своїх наукових вправ визнавав написання історії свого рідного краю — Малоросії», но этот тезис ничем не подкреплён и не получил развития. Дефиниция появилась в коротком

фоне особняком стоить мнение, которое высказал Омелян Прицак, определивший место Тимковского среди тех «малоросійських просвітителів, <...> які відродили ідею «Малоросійської держави». Їх історіософія подана в «Історії Русов», що була створена біля 1818–1822 рр. таємничим патріотичним гуртком». Здесь Тимковский, наряду с Яковом Козельским, Федором Туманским, Василием Капнистом, Николаем Репниным, Василием Лукашевичем упомянуты как «державно думаючи нащадки козацької старшини»⁸⁷.

Сложившаяся ситуация с «известным неизвестным» Ильей Тимковским представляет интересный историографический казус, особенности которого будут рассмотрены при публикации текста «Записок для истории Малороссии».

Bibliography

Akinshin, Aleksandr. «E. A. Bolkhovitinov — osnovopolozhnik voronezhskogo kraevedenia.» In Evgenij (Bolhovitinov). *Istoricheskoe, geograficheskoe i ekonomicheskoe opisanie Voronezhskoj gubernii*, 185–198. Voronezh: Voronezhskaya obl. tipografiya — Izd-vo im. E. A. Bolhovitina, 2011.

Bagalej, Dmitrii. «Deiateli Kharkovskogo universiteta: Rol V. N. Karazina, S. O. Potockogo i I. F. Timkovskogo v pervonach. ustroenii Khark. un-ta.» *Kharkovskie gubernskie vedomosti* 24 noiabria (1891): 2; 26 noiabria (1891): 2.

очерке о И. Квитке, а Тимковский в этом контексте — лишь его «освічений приятель», которому Квитка доверял редактирование и даже переделку своих трудов (Журба, *Становлення*, 120–133). Профессор Гарвардского университета С. Плохий отметил, что «крім математики і фізики, Тимковський цікавився історичними матеріалами», и в подтверждение упоминает о его интересе к сочинениям И. Квитки. Но в эпизоде со сбором топографических и статистических сведений по Черниговской и Полтавской губерниям Тимковскому отведена роль пассивного координатора, лишь собиравшего отчеты, например, по Стародубскому повіту, в то время, как приведенные нами выше материалы (в том числе и набросок о Стародубе) меняют представление об участии Тимковского в этой работе (Сергій Плохий, *Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперії* (Київ: Laurus, 2013), 302, 311–312).

⁸⁷ Омелян Прицак, «Історіософія Михайла Грушевського,» в Михайло Грушевський, *Історія України-Руси* (Київ: Наукова думка, 1991), I: LXIX.

Dobrolubov, Nikolai. «Slukhi». *Gazeta literaturnaia, anekdoticheskaia i tolko otchasti politicheskaia*. Accessed August 15, 2018. http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0880.shtml.

Filaret (Gumilevskii). *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kharkovskoi eparkhii*. Kharkov: V Universitetskoi tipografii, 1857.

Ikonnikov, Vladimir. *Opyt russkoi istoriografii*. Vol. 1, book 2 (Kiev: Tipografia imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1892).

Ikonnikov, Vladimir. *Opyt russkoi istoriografii*. Vol. 2, book 2 (Kiev: Tipografia imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1908).

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. 208, spr. 2.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3533.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3575.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3678.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3693.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3698.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. II, spr. 3700.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 7464.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4917.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4919.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4920.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4976.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4980.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 7434.

Institut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 7437.

Instytut Rukopysu Natsionalnoi Biblioteky Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, f. III, spr. 4916.

«K portretu Il. F. Timkovskogo.» *Kievskaiia starina* 12 (1899): 413–415.

Korotkyi, Viktor. «Naukovyi podvyh doslidnyka ukrainskoi kultury (Do 200-richchia vid dnia narodzhennia Mykhaila Maksymovycha).» *Narodna tvorchist ta etnografiia* 1/2 (2004): 3–17.

Lappo-Danilevskii, Konstantin. «Timkovskii Ilya Fedorovich.» In *Slovar russkikh pisatelej XVIII veka*. Vyp. 3 (Sankt-Peterburg: Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom), 2010). Accessed August 20, 2018. <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10378>.

Lazarevskii, Aleksandr. «Prezhnie izyskateli malorusskoi stariny.» *Kievskaiia starina* 12 (1894): 349–387; 2 (1895): 170–194; 1 (1897): 92–111; 2 (1897): 275–310.

Litvinova, Tatiana. «Istoricheskaia pamiat i instrumentalizacia proshlogo v socialnyh proektah dvorianstva Levoberezhnoi Ukrainy serediny XIX v.» *Kharkivskiyi istoriohrafichnyi zbirnyk* 15 (2016): 210–216.

Maksimovich, Mihail. «Vospominanie o Timkovskih.» *Kievskaiia starina* 11 (1898): 254–272.

Markov, Polikarp. *Obschestvenno-politicheskie i istoricheskie vzgliady Maksimovicha*. Kiev: Izdatelstvo pri Kievskom gosudarstvennom universitete izdatelskogo obiedinenia «Vyshcha shkola», 1986.

Masliichuk, Volodymyr. «Illia Ivanovych Kvitka — maloznanyi istoryk kintsia XVIII — pochatku XIX stolittia.» *Ukrainskyi arkheohrafichnyi shchorichnyk* 10/11 (2006): 318–342.

Masliichuk, Volodymyr. «“V gorode malom, nagornom, zdorovom, krasivom i kak by odnoi gimnazii prynadlezhaschem” (Novgorod-siverske uchylyshche (himnaziia) kincia XVIII — pochatku XIX st.).» *Siverianskyi litopys* 6 (2016): 162–174.

Megill, Allan. «Istoria i pamiat: za i protiv.» *Filosofia i obschestvo* 2 (2005): 132–165.

Naumenko, Vladimir. «Pamiati I. F. Timkovskogo, M. A. Maksimovicha i P. A. Antonovicha.» *Kievskaiia starina* 10 (1891): 133–136.

O. M. Bodianskii i problemy istorii slavianovedenia. (K 200-letiu so dnia rozhdzenia uchonogo). *Sb. statei*. Moskva: Institut slavianovedenia RAN, 2009.

Ohloblyn, Oleksandr. *Liudy staroi Ukrainy*. Miunkhen: Dniprova Khvyliia, 1959.

Ohloblyn, Oleksandr. *Opanas Lobysevych. 1732–1805*. Miunkhen — Niu-York: Dniprova Khvyliia, 1966.

«Pamiati M. A. Maksimovicha.» *Kievskaiia starina* 11 (1898): 218–221.

«Pisma P. A. Kulisha k O. M. Bodianskomu (1846–1877 gg.).» *Kievskaiia starina* 2 (1898): 283–313.

«Pismo P. Kulisha O. Bodianskomu ot 11 avgusta 1848 g. iz Tuly.» In Kulish, Panteleimon, *Povne zibrannia tvoriv. Lysty. Vol. I. 1841–1850*, 231. Kyiv: Krytyka, 2005.

Plokhii, Serhii. *Kozatskyi mif. Istoriiia ta natsiietvorennia v epokhu imperii*. Kyiv: Laurus, 2013.

Ponomariov, Stepan. «Kievskaiia starina i novina.» *Kievlianin* 93 (1881): 1.

Pritsak, Omelian. «Istoriosofiiia Mykhaila Hrushevskoho.» In Hrushevskyyi, Mykhailo. *Istoriiia Ukrainy-Rusy. Vol. I, XL–LXXIII*. Kyiv: Naukova dumka, 1991.

Rassadin, Stanislav. *Genii i zlodeistvo, ili delo Sukhovo-Kobylyna*. Moskva: Kniga, 1989.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, Pog /II 339, l. 4.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, Pog /II 339, l. 6 ob.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, Pog /II 339, l. 8.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, f. 256, d. 177, ll. 107–119 ob.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, Pog./II 339.

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Otdel rukopisei, f. 255, d. 26.

Rukavitsyna-Gordziievskia, Yevgeniia. *Kyivskyyi mytropolyt Yevhenii (Ye. O. Bolkhovitinov): Biobibliohrafiia. Biblioteka. Arkhiv*. Kyiv: Natsionalna biblioteka Ukrainy im. V.I. Vernadskoho, 2010.

Severianin [Shugurov, Nikolai]. «K stoletiu Novgorodseverskoi gimnazii.» *Kievskaiia starina* 9 (1888): 63–70.

Shugurov, Nikolai. «Ilia Fedorovich Timkovskii, pedagog proshlogo vremeni.» *Kievskaiia starina* 8 (1891): 212–236, 9 (1891): 375–406, 10 (1891): 82–97.

Shugurov, Nikolai. «Ilia Ivanovich Kvitka, neizvestnyi pisatel konca proshlogo i nachala tekushego stoletia.» *Kievskaiia starina* 3 (1890): 444–453.

Skoropad, Iryna. «Vplyv M. Maksymovycha na formuvannia osobystosti V. Naumenka». Accessed August 19, 2018. http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ipa_2007_1_11.

Sukhomlinov, Mikhail. *Issledovaniia i stati po russkoi literature i prosvescheniu*. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo A. S. Suvorina, 1889.

Tikhomirov, Mikhail. «Spisok russkikh gorodov dalnikh i blizhnikh.» *Istoricheskie zapiski* 40 (1952): 214–259.

Timkovskii, Ilia. «Moio opredelenie v sluzhbu.» *Moskvitanin* 17 (1852): 1–26; 18 (1852): 27–48.

Turchin, Valerij. «Mir romantizma. Toska po idealam i vremena mechtanii. Prolegomeny.» *Iskusstvoznanie: zhurn. po istorii i teorii iskusstva* 1–2 (2012): 92–111.

«Vospominaniia Egora Fedorovicha Timkovskogo.» *Kievskaiia starina* 3 (1894): 359–381.

Yas, Oleksii. «Fragment yak forma myslennia: romantychnyi svit Mykhaila Maksymovycha.» In *Terra cossacorum: studii z davnioi i novoi istorii Ukrainy. Naukovyi zbirnyk na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Valerii Stepankova*, 477–516. Kyiv, 2007.

Yas, Oleksii. «Romantyzm i ukrainskyi grand-naratyv.» *Eidos* 3 (2008): 207–226.

Yas, Oleksii. *Istoryk i styl. Vyznachni postati ukrainskoho istoriopyssannia u svitli kulturnykh epokh (pochatok XIX — 80-ti roky XX st.): U 2 ch.* Kyiv: NAN Ukrainy, In-t istorii Ukrainy, 2014.

Zhurba, Oleh. *Stanovlennia ukrainskoi arkheohrafii: Liudy, idei, instytutcii*. Dnipropetrovsk: Vydavnyctvo Dnipropetrovskoho universytetu, 2003.

Abstract

Between the «Saga» and the «Episodes en Swift»: an Unknown Manuscript by Ilia Timkovskii (1849)

The archive discovery, manuscript «Notes for the history of Malorossia» («Zapiski dla istorii Malorossii») composed by Ilia Fedorovich Timkovskii (Илья Федорович Тимковский, 1773–1853), was initiated by its author in 1849, yet it was never finished. Like the majority of Timkovskii's compelling written heritage, the «Notes» were overpassed by the researchers, even though such prominent figures in social science as Ilia Fedorovich's own nephew Mikhail Maksimovich, Nikolai Shugurov, and Vladimir Naumenko wrote about Timkovskii. Unlike his impressive

intellectual and social activity that surpassed the boundaries of his professional mandate (as lawyer, educator, literary scholar, etc.), his historiographical image remains fragmented and partial. Specifically, historiography is scarce as to the role Timkovskii played in facilitating the emergence of Ukrainian historical-cultural space, historical consciousness and knowledge, as well as in creating conditions for development of Ukrainian historic writing. Meanwhile, persisting documentary sources from Tikovskii's archive, along with his ego-documents that were published in the 19th century, allow to fill this void. The structure of this publication is determined by aforementioned historiographical factors and the intent to introduce new historical sources into scholarly practice. This article includes only the first part of the publication. As such, it provides the introduction into the biographic context of the author of the «Notes», and focuses on his vision of the meaning of history and heritage. It follows the evolution of his idea to write a historical composition through the documents, as well as «external» reasons that caused him to stop working on the «Notes». The second part of the publication (in the next issue of *Kyivan Academy*), along with the original text of «The Notes for the history of Malorossia», will include the analysis of the sociocultural and source study context within which the «Notes» were created, as well as historical views of the author, and the relationship between his memoirs and historical writing.

Keywords: Iliia Timkovskii, «Notes for the history of Malorossia», historical writing, memoirs, Mikhail Maksimovich.